

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Саяпин В.О. «Языковые игры» и «индивидуация»: поздний Витгенштейн и Симондон против классических дуализмов // Философская мысль. 2025. № 12. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.12.75687 EDN: XYWTAF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75687

«Языковые игры» и «индивидуация»: поздний Витгенштейн и Симондон против классических дуализмов

Саяпин Владислав Олегович

ORCID: 0000-0002-6588-9192

кандидат философских наук

доцент; кафедра истории и философии; Тамбовский государственный университет им. Г.Р.
Державина

392000, Россия, Тамбовская область, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ vlad2015@yandex.ru

[Статья из рубрики "Рубежи и теории познания"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.12.75687

EDN:

XYWTAF

Дата направления статьи в редакцию:

29-08-2025

Аннотация: Настоящая статья исследует методологические и онтологические параллели между двумя ключевыми мыслителями XX века, чьи работы предлагают радикальную альтернативу картезианской традиции. Несмотря на различие в предмете анализа (философия языка у Витгенштейна и процессуальная онтология у Симондона), оба философа едины в своей критике классических дуализмов – субъекта и объекта, языка и реальности, индивида и общества. Автор демонстрирует, что концепция «языковых игр» и «форм жизни» Витгенштейна, акцентирующая социальную и практическую природу значения, находит онтологическое дополнение в теории «индивидуации» и «трансиндивидуального» у Симондона, описывающей процессы становления любого относительно устойчивого явления. Вместе они формируют надежный философский фундамент для нередукционистского анализа социальных практик, технологий и коммуникации, преодолевая ограничения как наивного реализма, так и радикального конструктивизма. Методологический подход исследования базируется на

последовательном применении взаимодополняющих методов: сравнительного анализа для выявления структурных аналогий между концепциями «языковых игр» и «индивидуации», а также концептуального синтеза, позволяющего интегрировать идеи Витгенштейна и Симондона в единый аналитический каркас. Для решения конкретных исследовательских задач привлекается контекстуально-герменевтический анализ текстов, направленный на реконструкцию имплицитных онтологических предпосылок обоих авторов. Актуальность исследования обусловлена растущим интересом в социальных и гуманитарных науках к сетевым процессуальным и материально-телесным аспектам человеческой деятельности, которые не укладываются в рамки устаревших субъект-объектных философских моделей. Новизна работы заключается в систематическом сопоставлении идей Витгенштейна и Симондона, которое до сих пор оставалось на периферии академического дискурса. Статья вносит вклад в современные дебаты, показывая, что синтез «практического поворота» Витгенштейна и «процессуальной онтологии» Симондона предлагает более тонкий инструментарий для анализа современных феноменов – от цифровых коммуникативных практик и развития искусственных нейронных сетей до экологической и технонаучной этики. В этом случае действие, материальность и значение неразрывно между собой сплетены. Этот подход позволяет преодолеть методологический разрыв между анализом символических систем и изучением материально-технических инфраструктур, что особенно продуктивно для междисциплинарных исследований.

Ключевые слова:

Витгенштайн, Симондон, индивидуация, доиндивидуальное, метастабильность, трансдукция, онтология процесса, трансиндивидуальное, языковая игра, форма жизни

Введение

Тени кантовских дилемм все еще ложатся на современную философию, и в борьбе с ними фигуры Людвига Витгенштейна (1889–1951)[\[1,2,3\]](#) взорвавшего границу между языком и миром, и Жильбера Симондона (1924–1989)[\[4,5,6,7\]](#) растворившего противопоставление природы и культуры в процессе индивидуации становятся ключевыми. Эти бинарные оппозиции (субъект и объект, язык и реальность, природа и культура) унаследованные от картезианской традиции, не только ограничивают понимание сложностных[\[8,с.72,9,с.16,10,11\]](#) феноменов современности, но и воспроизводят методологический тупик, в котором анализ распадается на изолированные сферы. На поверхностный взгляд может показаться, что между поздним Витгенштейном, аналитиком языка, и Симондоном – метафизиком индивидуации, мало общего. Однако оба мыслителя-современника решают одну фундаментальную проблему: преодоление классических дуализмов через отказ от готовых сущностей в пользу анализа отношений и процессов. Их работы предлагают радикальные стратегии деконструкции устоявшихся оппозиций, смещая акцент с субстанций на функционирование и становление.

Витгенштайн, введя понятия «языковых игр» и «форм жизни» переносит анализ значения в плоскость социальных практик и контекстуального употребления, подрывая идею языка как зеркала реальности. При этом его подход, при всей мощи антиэссенциалистского анализа (у слов и понятий нет единой неизменной сущности) ограничивается антропоцентричным полем человеческих практик и несет риск консервативного партикуляризма. Симондон, разрабатывая теорию «индивидуации» и

«трансиндивидуального», предлагает всеобщую онтологию становления, применяемую ко всей реальности – от физических систем до социальных коллективов. Если Витгенштейн показывает, как смысл работает в человеческом мире через язык, то Симондон раскрывает, как информация, благодаря принципу трансдукции работает в самой реальности. Их родство проявляется в общей борьбе против дуализма, примате отношения над терминами и децентрации субъекта как источника смысла.

Синтез идей Витгенштейна и Симондона открывает путь к «готовому набору инструментов», способного одновременно учитывать как символико-коммуникативную, так и материально-техническую размерность человеческих практик. Можно сказать, что Витгенштейн – это Симондон в сфере языка, а Симондон – Витгенштейн в сфере онтологии: их философии взаимодополняющие. «Формы жизни» Витгенштейна могут быть поняты как частный случай симондонианских процессов индивидуации, специфичный для человеческого коллектива, в то время как онтология Симондона позволяет распространить витгенштейновские интуиции на всю Вселенную. Такой синтез не только преодолевает методологический разрыв между анализом дискурса и изучением материальных инфраструктур, но и предлагает новые перспективы для исследования современных гибридных феноменов – от алгоритмического управления до экологического кризиса, где язык, технология и социальность образуют неразделимые сети.

Поздний Витгенштейн: критика «изнутри языка»

Поздний Витгенштейн совершает радикальный поворот от метафизики языка к его «терапии», от поиска идеальной логической формы к скрупулезному анализу обыденного употребления. Если в «Логико-философском трактате» (1921)[\[2.с.1-75\]](#) язык мыслился как статичная картина мира, чья структура отражает структуру бытия, то в «Философских исследованиях» (1953)[\[2.с.75-321\]](#) он предстает живой многообразной практикой, вплетенной в ткань человеческой деятельности, или, по-другому, «формы жизни». Значение слова более не является некой сущностью, которую оно обозначает, но сводится к его функции, его роли в конкретной «языковой игре», будь то приказ, мольба, шутка или описание. Этот переход от зеркального отражения реальности к инструментальному действию взрывает классический дуализм языка и реальности: язык не описывает мир извне, он является частью мира, одним из способов взаимодействия с ним. Мощь антиэссенциалистского анализа Витгенштейна заключается в его способности растворять многовековые философские псевдопроблемы, демонстрируя, что они коренятся не в глубинах бытия, а в грамматических недоразумениях, в попытке заставить слово играть не в свою игру. Однако эта сила оборачивается и фундаментальным риском: акцент на «данности» форм жизни и авторитете сообщества может быть истолкован как консервативный партикуляризм, который, описывая как язык фактически работает, лишает нас критического инструментария для оценки того, как он должен работать. Философия, превращенная в чисто терапевтическую практику по устранению концептуальных путаниц, рискует утратить нормативное измерение и узаконить любой сложившийся способ говорения, будь то язык науки или язык идеологии, объявив его просто «другой игрой». В результате наследие позднего Витгенштейна оказывается напряженным полем между освобождающей критикой метафизических иллюзий и потенциальным оправданием консервативной инерции социального соглашения.

Итак, во-первых, ключевой методологической «революцией», предложенной поздним

Витгенштейном, является отказ от поиска трансцендентных оснований языка, будь то логические структуры, ментальные репрезентации или метафизические сущности, в пользу имманентного анализа его собственной работы. Этот подход, который можно охарактеризовать как «критику изнутри» исходит из того, что язык не нуждается во внешнем обосновании, его смысл и значение порождаются имманентными правилами тех практик, в которые он вплетен. Как подчеркивает Витгенштайн, философские проблемы возникают именно тогда, когда язык «уходит в отпуск», то есть когда слова извлекаются из контекста их повседневного употребления и начинают функционировать в метафизическом вакууме, порождая иллюзорные парадоксы и псевдопроблемы. Задача философии, таким образом, заключается не в построении теорий, а в возвращении слов обратно в их «домашний» контекст, в те языковые игры, где их употребление является осмысленным и проверяемым. Этот метод требует от философа скрупулезного описания фактического функционирования языка в его многообразии без редукции к каким-либо априорным схемам^[2,12].

Такой имманентный критицизм радикально переориентирует саму цель философского исследования: она заключается не в объяснении, а в прояснении. Философ должен показать, как язык уже работает в рамках конкретных форм жизни, выявляя границы осмысленного высказывания через анализ самих языковых практик. Современный исследователь Стэнли Кэвелл (1926–2018) утверждает, что Витгенштайн предлагает не теорию значения, а «терапию»^[13]. Под этим понимается набор методов, позволяющих распутывать концептуальные узлы, созданные неправильным пониманием нашей собственной речи. Этот терапевтический импульс направлен на роспуск метафизических иллюзий, продемонстрировав, что любая попытка выйти за пределы языка и найти для него внешнюю опору является бессмысленной. Язык сам содержит в себе все необходимые критерии своей осмысленности, и задача состоит лишь в том, чтобы внимательно посмотреть на то, как мы им фактически пользуемся в наших повседневных и специализированных практиках.

Во-вторых, согласно логике Витгенштейна, высказанной в «Философских исследованиях», значение слова не является некой закрепленной сущностью или ментальным образом, а возникает исключительно из его практического употребления в конкретном контексте или «языковой игре». То есть Витгенштайн утверждает, что мы ошибаемся, когда ищем значение слова в каком-то одном объекте, который оно обозначает, или в ментальной картинке у нас в голове. Вместо этого значение создается тем, как мы используем это слово в конкретной ситуации (в той или иной «языковой игре»). Представим себе инструменты в ящике: молоток, отвертка, линейка, клей. Мы не поймем их значения (функции) просто взглянув на них или дав им определение. Мы поймем их значение только тогда, когда увидим, как и для чего мы их используем: молоток – чтобы забивать гвоздь, отвертка – чтобы крутить винт. Так же и со словами. Слово – это инструмент в коммуникативной практике. Его значение – это его функция в данный момент. Другими словами, это радикальный отход от «теории именования», поскольку слово обретает смысл не через связь с объектом, а через ту роль, которую оно выполняет в коммуникативной практике, подобно тому, как инструмент (молоток, отвертка) получает свою функцию от способа его применения. В результате одно и то же слово может выполнять совершенно разные функции: например, восклицание «Вода!» в зависимости от ситуации может быть просьбой, предупреждением или выражением удивления. Эта идея подчеркивает, что язык – это не статичная система символов, а живая динамическая деятельность, неразрывно связанная с «формами жизни» людей. И понять значение можно, только наблюдая за тем, как слова фактически используются в

реальных контекстах[\[2, с. 75-80, с. 90-95\]](#).

Следовательно, понятие «языковой игры» становится у Витгенштейна фундаментальной единицей анализа, позволяющей преодолеть абстрактное, оторванное от жизни понимание языка. Языковая игра – это не просто речевой акт, а целостный комплекс деятельности, в котором слово неотделимо от действия. Как отмечает сам философ, он приводит ее как пример «примитивного языка» или «языка в его примитивной форме», чтобы подчеркнуть, что говорить – значит действовать, а эти действия подчиняются неписанным, но очевидным для участников правилам[\[2, с. 83-85\]](#). Например, в «игре» строителя, где один участник кричит «Слава!», а другой подает плиту, слово «слава!» является не именем предмета, а эквивалентом действия, приказом или просьбой. Эта модель наглядно демонстрирует, что суть языка заключается не в референции (обозначении вещей), а в его функциональной роли внутри конкретной практической деятельности, будь то строительство, описание, молитва или шутка. Поэтому значение любого термина (специальный термин в науке или обыденное слово) нельзя понять в изоляции. Оно обретает определенность, только будучи встроенным в ткань совместных действий, разделяемых в прошлом практик и имплицитных соглашений, составляющих «форму жизни».

Таким образом, этот подход позволяет осуществить радикальную критику традиционной философии языка. Если язык по своей сути является совокупностью игр, то бессмысленно искать его универсальную сущность или строить его единую теорию. Задача философа смещается с объяснения «что есть язык вообще» к дескриптивному прояснению того, как функционируют различные, зачастую несводимые друг к другу языковые игры. Поэтому понятие «языковой игры» выполняет критическую функцию: оно разоблачает иллюзию о том, что все высказывания работают одинаково, как имена или описания фактов. Оно показывает, что метафизические проблемы часто возникают из-за смешения грамматик разных игр, когда, например, этические понятия начинают ошибочно трактоваться по образцу эмпирических описаний. Поэтому анализ через призму языковых игр – это не просто классификация, а активная терапевтическая практика, возвращающая слова из метафизического забвения в мир человеческой деятельности, где они только и могут иметь значение[\[2, с. 91-93\]](#).

В-третьих, ключевой тезис Витгенштейна о том, что: «...значение слова – это его употребление в языке»[\[2, с. 99\]](#) представляет собой радикальный разрыв с классической репрезентативной парадигмой, сводившей значение к связи между именем и объектом или ментальной репрезентацией. Это утверждение переносит центр тяжести с онтологических вопросов («что такое значение?») на прагматические («как мы используем слова?»). Значение, таким образом, не является ни объектом в мире, ни идеей в сознании, но функцией, которая рождается из участия слова в совместной человеческой деятельности. Подобно тому, как функция молотка забивать гвозди не является свойством самого предмета «молоток». Однако это свойство выявляется только в акте его применения мастером. Точно так же значение слова «вода» не заключено в его звуковой оболочке, а раскрывается в том, как это слово работает в конкретной ситуации: как приказ («Принеси воды!»), как предупреждение («Осторожно, вода!») или как констатация факта («Вода кипит при температуре 100°C»). Это делает значение принципиально контекстуальным и практическим, укорененным не в отношении «слово – мир», а в отношении «слово – действие» внутри разделяемой «формы жизни».

В результате понять значение – значит овладеть техникой употребления слова, усвоить его роль в многообразных «языковых играх», которые и составляют ткань нашего

языкового существования. Эта техника не является жестко формализуемой системой правил, но скорее напоминает практическое умение, усваиваемое через обучение и погружение в практику, подобно тому, как ребенок учится использовать слово, не изучая его определение, а наблюдая за его применением в различных контекстах и имитируя это применение. Такой взгляд превращает язык из статичного набора ярлыков, прикрепленных к реальности, в живой, динамический и открытый арсенал инструментов для взаимодействия с миром и друг с другом. Значение, таким образом, не предшествует употреблению, а творится в самом процессе его осуществления, оставаясь текучим и подверженным бесконечным вариациям и сдвигам в зависимости от игры, в которую оно вплетено. Это снимает с философии языка бремя поиска «истинных» значений и возлагает на нее задачу дескриптивного прояснения того, как те или иные слова фактически функционируют в нашем повседневном и специализированном опыте, тем самым устраняя концептуальные путаницы, возникающие, когда слова оказываются оторваны от породивших их практик. В результате, как отмечает отечественный исследователь А.Ф. Грязнов: «Если принять тезис о том, что язык представляет собой деятельность, тогда следует признать, что значение его единиц – слов и выражений – тоже должно иметь процессуальный характер»[\[14.с.8\]](#).

В-четвертых, Витгенштейн радикально переосмысливает природу смысла, утверждая, что он не является внутренним свойством предложения, но всецело рождается из контекста конкретной языковой игры. Одно и то же высказывание, например, «Это было блестящее!» может выступать как искренний комплимент, горькая ирония или едкая насмешка. Его фактический смысл определяется не набором слов. Смысл определяется именно отношениями между говорящими участниками, а также ситуацией произнесения, интонацией и их разделаемой «формой жизни». Без этого контекста предложение представляет собой лишь лингвистическую оболочку, лишенную определенного содержания. Как подчеркивает Витгенштейн, мы склонны ошибочно искать значение слов в неком ментальном акте, который сопровождает речь, в то время как на самом деле «значение есть употребление» в рамках сложившейся практики[\[1.с.58\]](#). В итоге контекст выполняет не просто вспомогательную, а конституирующую функцию: он превращает абстрактную языковую возможность в осмысленное и понятное действие.

Вместе с тем важность контекста проистекает из самой сути языковых игр как видов деятельности, управляемых правилами. Понимание смысла тождественно пониманию правил игры и той роли, которую высказывание в ней играет. Вне конкретной игры слова теряют свою функциональность и, следовательно, смысл. Примером может служить ситуация в химической лаборатории. Когда исследователь во время эксперимента говорит ассистенту: «Вода!» – это высказывание функционирует не как наименование вещества, а как срочный приказ подать дистиллированную воду для прекращения реакции. Его смысл определяется не лексическим значением слова, а контекстом экспериментальной практики: распределением ролей (ученый и ассистент), целью деятельности (проведение опыта) и срочностью ситуации. Как подчеркивает отечественный исследователь Н.В. Медведев, такое витгенштейновское употребление становится осмысленным только внутри конкретной «формы жизни»[\[15.с.160\]](#). В данном случае – лабораторного протокола и научного ethos. Вне этого контекста тот же возглас «Вода!» теряет императивную силу и может быть истолкован как бессвязное восклицание или констатация факта, что доказывает зависимость смысла от внедрения его в практику. Следовательно, смысл не предшествует употреблению, а возникает в момент его осуществления внутри разделяемого контекста. Это снимает с философии бремя поиска неких идеальных значений и переводит ее к задаче прояснения того, как слова и

жесты фактически работают в бесконечном многообразии человеческих практик.

В-пятых, понятие «формы жизни» служит у Витгенштейна фундаментальным основанием, на котором строятся все языковые игры [2, с. 170]. Под этим термином подразумевается комплекс разделяемых сообществом практик, традиций, инстинктивных реакций и культурных норм, создающих предпосылку для взаимопонимания. Языковые игры становятся возможны лишь благодаря тому, что их участники объединены общей формой жизни, что подразумевает не только «согласие в определениях», но и «согласие в суждениях», единство в способах действия и интерпретации. Именно эта общая почва позволяет правилам языковых игр функционировать и быть общезначимыми. Дальнейшая разработка концепции языковых игр неразрывно связана с анализом форм жизни. Данное понятие акцентирует социально-культурный контекст использования языка, что сближает позицию Витгенштейна с герменевтическим подходом. В «Философских исследованиях» сам философ не дает строгого определения, что породило множество интерпретаций. К примеру, он указывает, что представить язык – значит представить форму жизни, что говорить на языке – это компонент деятельности или форма жизни, а также что согласие людей относится не к мнениям, а к формам жизни [2, с. 86, с. 90, с. 179]. Многозначность термина привела к формированию нескольких ключевых направлений в его интерпретации. Одни исследователи отождествляют форму жизни с языковой игрой, подчеркивая ее нормативный и стандартизированный характер. Другие предлагают психологическое прочтение, видя в ней совокупность поведенческих тенденций индивида. Третьи делают акцент на культурологическом аспекте, рассматривая формы жизни как модели жизни, характерные для конкретных сообществ и определяемые социальными структурами и ценностями [16]. Наконец, натуралистическая трактовка понимает под этим термином биологически присущие человеку способы реагирования, общие для живых организмов. Это разнообразие подходов отражает глубину и сложность данного понятия в философии позднего Витгенштейна. В результате «языковая игра» по логике Витгенштейна, не имеет начала и конца. Мы всегда уже находимся внутри нее, являясь ее активными участниками. Эта фундаментальная вовлеченность означает, что язык – это не нейтральный инструмент для описания мира, а форма деятельности, неразрывно связанная с нашей «формой жизни».

Безусловно, каждая из существующих интерпретаций имеет право на существование, однако ни одну из них не следует абсолютизировать или считать исключительно верной. Это в полной мере относится как к понятию «форма жизни», так и к концепции «языковой игры». Любые попытки строго определить границы этих понятий вступают в противоречие с ключевым методологическим принципом Витгенштейна, согласно которому значение любого термина раскрывается исключительно через анализ его практического употребления в конкретных контекстах. Следование этому принципу предполагает отказ от дефиниций в традиционном понимании. Вместо формулировки универсальных определений необходимо приводить примеры использования понятий в реальных жизненных ситуациях через их детальное описание.

Таким образом, значение терминов «языковая игра» и «форма жизни» не является фиксированным, но проявляется в многообразии их практического применения. Именно поэтому различные случаи употребления этих понятий в работах Витгенштейна не следует рассматривать как исчерпывающий перечень, но скорее как открытое поле возможностей для их осмыслиенного использования. Кроме того, в позднем трактате «О достоверности» (1969) [2, с. 322-405] Витгенштейн проводит синтез понятий «языковая игра» и «форма жизни», представляя их как фундаментальный предел обоснования. Эти концепты обретают статус неопровергимой данности, своеобразных «протофеноменов»

составляющих «твёрдую породу» любой культуры, которая не подлежит аналитической деконструкции. В структуре языковой игры формы жизни (обычаи, традиции, социальные установления) воплощаются в пропозициях, принимаемых на веру без малейшего сомнения. Подобно «шарнирам», на которых держится движение других высказываний, эти базовые положения образуют повседневный контекст человеческого бытия, формируя основу для любых когнитивных и практических действий. Языковая игра как форма жизни создает коммуникативный фундамент коллективного опыта, позволяя индивиду критически мыслить, ставить под сомнение и участвовать в социальных практиках. Эта предустановленная структура предопределяет способ восприятия мира. При этом каждый человек конструирует уникальную картину реальности в зависимости от культурного фона, образования и условий существования.

Вот почему человеческая форма жизни раскрывается только через многообразие поведенческих паттернов, где специфика действий определяет саму ее сущность. Данная форма бытия проявляется во множестве подчиненных практик и, выступая как родовое понятие, обозначает глубинные внутренние связи между людьми как носителями личности. Неразрывная связь языка и поведения позволяет выявить уникальный характер человеческой формы жизни. Именно поэтому, как отмечал Витгенштейн: «...даже если бы лев умел говорить, мы не смогли бы его понять»[\[2, с. 311\]](#). Главным препятствием для перевода его «речи» (в отличие от иностранного языка) стало бы отсутствие общей формы жизни. То есть невозможность установить логическую взаимосвязь между его звуками и действиями. Такое поведение осталось бы для нас чуждым и неинтерпретируемым, что подтверждает: наше взаимодействие с животными принципиально отличается от отношений между людьми и не может оцениваться по аналогии с ними.

В-шестых, правила языковых игр у Витгенштейна принципиально отличаются от формальных предписаний. Они не предзданы, а возникают из самой практики коммуникации. Их существование проявляется в регулярности и повторяемости действий участников, в том, «как обычно поступают» в определенных обстоятельствах. Эти правила носят имплицитный, условный характер и скорее напоминают обобщённые описания успешных коммуникативных стратегий, чем жесткие алгоритмы. В результате правило не является внешним по отношению к игре, оно рождается и существует только внутри неё, как её органическая часть. Соблюдение правила – это не следование инструкции, а освоенная социальная техника, которая усваивается не через заучивание формулировок, а через непосредственное включение в практику. Обучаясь языку, человек не изучает правила явно. Он наблюдает за примерами их применения, подражает действиям участников коммуникации и постепенно начинает действовать в соответствии с неявными нормами, даже не будучи способным их вербально сформулировать. Этот процесс основан на практическом освоении языковых игр, где усвоение правил происходит через непосредственное включение в коммуникативную практику, а не через теоретическое заучивание абстрактных норм. Поэтому знание правил языка проявляется прежде всего в способности корректно использовать их в конкретных ситуациях общения, что отражает витгенштейновский принцип: значение слова заключается в его употреблении.

Иными словами, эта концепция напрямую ведет к отрицанию возможности частного языка. Если значение конституируется публичным разделяемым правилом употребления, то язык по своей сути является социальным феноменом. Следование правилу – это не приватный интеллектуальный акт, а усвоенная практика, корректность которой определяется согласием сообщества. В «Философских исследованиях» Витгенштейн

утверждает, что следование правилу есть практика. А считать, что следуешь правилу, не значит следовать правилу^[2, с. 162]. Следовательно, языковая игра устанавливает свои собственные границы смысла: то, что может быть осмысленно, высказано и понято, ограничено совокупностью правил и практик, которые Витгенштейн называет «формой жизни». Пытаться искать смысл за пределами этих игр – все равно, что искать шахматного коня за пределами шахматной доски. Это бессмысленная затея, ибо его «смысл» и «существование» определены только правилами самой игры. Нормативность правил, таким образом, имеет не формальный, а социальный характер. Правило значимо не потому, что оно провозглашено, а потому, что оно реально используется и признается в рамках конкретной формы жизни. Критерием правильности здесь выступает не соответствие абстрактной норме, а принятие действия сообществом, его успешная интеграция в сложившийся контекст практик. Именно поэтому следование правилу всегда контекстуально и не может быть сведено к механическому применению. Оно требует понимания ситуации, цели и ценностей, разделяемых участниками языковой игры. Вот почему никакое правило не может однозначно определить все свои будущие применения, ибо его интерпретация всегда требует нового шага интерпретации. Разрешение этого парадокса лежит не в сфере умозрения, а в практике сообщества, в «данности» разделяемой формы жизни. Следование правилу – это не интеллектуальный акт, а усвоенный способ действия, который признается правильным, если получает санкцию сообщества, тем самым устанавливая предел обоснованию и выводя на первый план доверие к самому очевидному.

В-седьмых, сердцевиной витгенштейновской критики становится беспощадный разбор «стремления к обобщению», а именно к врожденной метафизической иллюзии, заставляющей нас искать общую сущность за всеми употреблениями одного слова. Против этого Витгенштейн выдвигает концепцию «семейного сходства», показывая, что такие понятия, как «игра» не скреплены единым ядром, а связаны сложной сетью перекрывающихся и переплетающихся сходств, как черты лица у членов одной семьи. То есть понятие «семейного сходства» выполняет критическую функцию по отношению к традиционной философии, стремящейся отыскать универсальные сущности и четкие определения для всех понятий. Оно объясняет, как мы можем использовать общий термин (например, «игра») для обозначения разнородных явлений, не имея при этом единого признака, общего для всех случаев употребления. Витгенштейн показывает, что то, что объединяет, к примеру, шахматы, футбол и детскую игру в прятки, – это не некая «игровая сущность», а сложная сеть перекрывающихся и перекрещивающихся сходств в деталях. Как члены одной семьи могут быть похожи друг на друга разными чертами (нос одного, глаза другого, походка третьего), так и различные игры образуют протяженное семью, где каждая связана с другой рядом сходств, но ни одна черта не является обязательной для всех.

Поэтому семейное сходство выступает против классического подхода, основанного на необходимых и достаточных условиях. Значение термина оказывается не жестко заданным, а гибким и открытым, определяемым его фактическим употреблением в языке и укорененным в практике. Этот подход позволяет избежать насилиственного редукционизма, когда многообразие использования языка пытаются свести к ограниченному набору формальных признаков. Как отмечает Витгенштейн в «Философских исследованиях», мы ошибочно склонны искать общее там, где есть лишь сложное родство, и эта ошибка лежит в основе многих философских затруднений. Семейное сходство, таким образом, является не просто описательным инструментом, а важнейшим элементом «терапевтического» метода Витгенштейна, призванного рассеять концептуальные иллюзии и вернуть слова из метафизического употребления обратно в

их повседневный контекст [\[1, с.46, с.49\]](#).

В итоге философский метод позднего Витгенштейна можно охарактеризовать как терапевтический. Поскольку его целью является не построение новых теорий, а устранение концептуальных путаниц, порожденных самим языком. Философские проблемы, согласно этому подходу, оказываются не глубинными загадками бытия, а своего рода «болезнями» понимания, возникающими, когда слова отрываются от своих обычных контекстов употребления и начинают функционировать «вхолостую». Задача философа-терапевта – вернуть эти слова «домой» в те языковые игры и формы жизни, где они обретают ясный и отчетливый смысл. Следовательно, проблемы не решаются в традиционном смысле, а попросту растворяются, утрачивая свою мнимую глубину и переставая мучить мысль. Этот терапевтический поворот означает радикальную трансформацию самой сути философии: ее призванием становится не открытие неких скрытых истин, а прояснение того, что уже лежит на поверхности нашей повседневной языковой практики. Философия, по Витгенштейну, оставляет все как есть, но при этом кардинально меняет наше видение, снимая с него налет метафизических суеверий. Она предлагает не знания о мире, но ясность в отношении того, как мы используем язык для его описания и осмыслиения. И в этой ясности – ее освобождающая и терапевтическая сила, позволяющая, наконец, прекратить борьбу с псевдопроблемами и обрести интеллектуальный покой.

Жильбер Симондон: онтология становления против дуализма

формы и материи

Итак, отталкиваясь от витгенштейновской идеи о том, что значение не скрыто в метафизической глубине, а рождается в языковых играх, а именно в самой ткани совместных человеческих практик, мы оказываемся на пороге онтологического поворота, который совершает Жильбер Симондон. Если Витгенштейн переосмысливает язык, показывая его как подвижную, живущую в поступках грамматику, то Симондон делает следующий шаг: он предлагает видеть в самом бытии не состояние, а непрерывный процесс становления (индивидуацию). При этом основой его подхода становится парадоксальная гипотеза о «доиндивидуальном бытии», а именно изначальном и метастабильном потенциале, который служит условием возникновения психосоциального (трансиндивидуального) поля [\[6, п.203-205\]](#). В связи с этим индивид понимается не как данность, а как незавершенный и метастабильный результат процесса индивидуации, всегда сохраняющий связь с «резервом становления». Поэтому индивид всегда есть «больше чем единство» [\[7, п.67-72\]](#). Он всегда остается частью непрерывного онтогенеза, выходящего за пределы категорий классических теорий. Он не является раз и навсегда данным субстанциональным образованием, а представляет собой скорее временный баланс, «срез» или фазу в процессе индивидуации, которая никогда не завершается окончательно. Его индивидуальность – это не исходная точка, а постоянное достижение, результат разрешения напряжений, аффективных сил и перестройки отношений между собой и той доиндивидуальной реальностью, которую он продолжает в себе нести. В результате бытие понимается не как статичная субстанция, а как живой, динамичный и незавершенный процесс становления, в котором каждый индивид является не замкнутым островком, а активным узлом в сети метастабильных отношений [\[7, п.28-30\]](#).

Необходимо подчеркнуть, что труды [4,5,6,7] Симондона представляют собой масштабный призыв к фундаментальной трансформации нашего подхода к пониманию бытия. Это всеобъемлющее исследование, охватывающее физические, биологические, психосоциальные и технические фазы индивидуации, настаивает на подлинной «реформе интеллигibility», то есть на пересмотре самих основ нашего философского понимания. В этом случае важнейший жест, определяющий весь проект Симондона, раскрывает фундаментальную двусмысленность, присущую концепции бытия. С одной стороны, бытие есть бытие как таковое, изначальная, данная нам реальность до всякого структурирования. С другой стороны, бытие есть бытие, поскольку оно индивидуализировано. То есть существует в форме множества отдельных сущих. Этот последний смысл бытия, в котором бытие предстает как множество индивидуальных сущих, всегда накладывается на предыдущий смысл в теории логики [5, р.34]. Эта критическая дистинкция направлена против всей западной философской традиции, которая, по мнению Симондона, систематически смешивает эти два плана. Подобно тому, как классическая логика оперирует суждениями, отсылающими к уже состоявшемуся индивидуализированному бытию, традиционная метафизика фокусируется исключительно на бытии как на результате процесса индивидуации, ошибочно принимая эту производную и частную форму за саму сущность бытия. В результате философия, сама того не осознавая, имеет дело лишь с индивидуализированным бытием, затемняя и игнорируя изначальное доиндивидуальное поле, которое является условием возможности любого становления. Эта путаница, как демонстрирует Симондон, блокирует доступ к подлинно процессуальному и генетическому пониманию реальности.

В данном отношении всю философскую традицию можно свести к двум фундаментальным тенденциям, в равной мере неспособным распознать реальность бытия, предшествующего всякой индивидуации, а именно к атомизму и гилеморфизму. Объединяющий их порок заключается в том, что обе доктрины мыслят бытие по образцу уже готового единства индивидуального сущего. Тем самым они неявно предполагают существование того самого индивида, который стремится объяснить и впадают в порочный круг. Для Симондона эта логическая ошибка представляет собой роковое заблуждение всей классической метафизики, которое и делает проблему индивидуации центральным вопросом подлинной философии. Традиционный подход, пытаясь раскрыть принцип индивидуации, неизменно исходит из уже индивидуализированного бытия и ищет его основание в другом, таком же данном термине. В результате сам процесс становления, творческий и доиндивидуальный характер бытия оказывается полностью исключенным из рассмотрения. Так, эпикурейский атомизм постулирует в качестве первоначала неделимый и самотождественный атом, или, по-другому, готовую субстанциальную единицу, которая лишь благодаря внешнему и контингентному событию [7, р.24] (клиナмену) вступает в соединения, образуя сложные тела. Аристотелевский гилеморфизм, в свою очередь, описывает возникновение индивида как результат комбинации двух также уже данных и стабильных принципов: пассивной материи и активной формы [17, с.117]. Даже когда, как у Фомы Аквинского (1225–1274) материя объявляется принципом индивидуации [18, с.281], она сама мыслится как нечто определенное и индивидуализированное, призванное обосновать различие между индивидами внутри вида. Симондон же утверждает, что подлинная философия индивидуации должна совершить радикальный разрыв с этой традицией. Ее задача – не искать основание индивида в другом индивиде, а провести фундаментальное различие между бытием как таковым, понимаемым как изначальное доиндивидуальное поле потенциальностей, и бытием как результатом, индивидуализированным и метастабильным

существованием. В результате бытие в его фундаментальном смысле должно быть осмыслено не через тождество и единство, а через внутренний разрыв, напряжение и непрерывный процесс становления, который всегда предшествует любым устойчивым формам.

Таким образом, ключевое возражение Симондона направлено против самой логики традиционной метафизики, восходящей к Аристотелю (др.-греч. Πριοτότελης, 384–322 гг. до н.э.) и схоластам вроде Дунса Скота (1266–1308). Он указывает на фундаментальный парадокс: как мы можем объяснить рождение индивида (индивидуацию), опираясь на уже готовые, то есть уже индивидуированные принципы, будь то материя или форма? Это все равно, что пытаться объяснить происхождение реки, заранее постулируя ее русло и устье. Такой подход, по Симондону, является классическим примером «перевернутого онтогенеза»[\[7,п.23\]](#). Мы проецируем на начало процесса его завершенный результат, тем самым загоняя сам момент становления в необъяснимую «темную зону». Чтобы разорвать этот порочный круг, он предлагает радикальную смену перспективы: вместо поиска первопричины нужно анализировать сам процесс. Для этого он вводит понятие «трансдукции»[\[7,п.32\]](#). То есть не дедуктивного вывода из общего правила и не индуктивного обобщения частных случаев, а имманентного экспериментального движения, которое извлекает разрешающую структуру из внутренних напряжений самой ситуации. Это познание через вовлеченное наблюдение за тем, как система сама находит свое решение.

В этом случае Симондон расширяет понятие трансдукции, видя в ней универсальный механизм, связывающий разные уровни реальности. Трансдукция – это прогрессирующая индивидуация, где информация не просто передается, а творится в акте перевода между неизмеримыми порядками бытия[\[7,п.32\]](#). Вот почему трансдукция – это еще и механизм «рекурсивно-контингентного становления сущего»[\[19,с.115,20\]](#), которое исходит из самого себя, сдвигая себя по фазе относительно своего центра реальности. Именно здесь Симондон вступает в полемику с кибернетикой Норberta Винера (1894–1964)[\[21,22\]](#). Он критикует ее за сведение информации к статичному сигналу, простому устраниению шума, тогда как для него информация по своей сути трансдуктивна. Она не содержится в носителе, а возникает в «аллагматической» (операционной) связи со средой как внутренний резонанс, который перестраивает саму систему. Поэтому информация – это не вещь, а событие и отношение. Она всегда одновременно и «информирующее» (содержание) и «информирование» (акт). Этот взгляд предвосхищает более поздние процессуальные теории в философии (например, у Жиля Делеза (1925–1995)[\[23,24\]](#)) и ставит под вопрос классические дилеммы, предлагая видеть в мире не цепь причин и следствий, а бесконечную сеть становящихся трансдуктивных операций. В этом случае для описания сложностной природы индивида Симондон вводит два ключевых понятия: «структура» и «операция». Со стороны структуры индивид предстает как «сдвинутый по фазе». Этот термин, заимствованный из физики и химии, означает, что индивид является системой, в которой одновременно протекают множественные разнонаправленные процессы (параллельные, расходящиеся или сходящиеся). Со стороны операции индивид участвует в трансдуктивных процессах. Понятие «трансдукции» имеющее корни в биологии (резонансное распространение) и технике (усиление) описывает недетерминированное распространение, которое происходит через разрывы и скачки.

Другими словами, трансдукция – это фундаментальный процесс становления относительно устойчивого индивида, будь то кристалл, живой организм, психика или

коллектив. Если упростить, трансдукция – это прохождение информации (или энергии) через некую структуру, которое одновременно трансформирует и саму эту структуру, и переносимую информацию. Это не линейная причинно-следственная цепь, а рекурсивная петля, где каждый следующий шаг радикально переопределяет систему. Это не цикл повторения (как в шаблоне), а цикл наращивания и усложнения (как в эволюции или развитии мысли). Вместе с тем трансдукция – это попытка мыслить реальность и до того, как она разделилась на противоположности: форма/материя, субъект/объект, природа/культура, человек/техника. Она происходит в зоне «доиндивидуального» избытка потенциальной энергии и напряженности, который ищет разрешения. Например, представим себе перенасыщенный раствор, в котором вот-вот начнет кристаллизоваться соль. Система находится в состоянии неравновесия, в ней есть внутреннее напряжение («доиндивидуальное»)[\[7, р.30-32\]](#). Процесс кристаллизации – это и есть трансдукция. Первая появившаяся молекула (зародыш) действует как «структурирующий посредник». Она не является внешней «формой» накладываемой на «материю» (раствор). Она возникает из самого напряжения системы и затем шаг за шагом передает (трансдуцирует) это структурирование следующим элементам, которые выстраиваются в решетку. Сама растущая кристаллическая решетка становится новым условием для дальнейшего роста[\[7, р.31\]](#). Кроме того, исходное состояние (перенасыщенный раствор) не предопределяет точно, где и как начнется кристаллизация. Это событие носит контингентный, сингулярный характер, тот самый «скакок». Процесс не является предзаданным и линейным. Он развивается через последовательные «фазы» и перестройки, каждый раз создавая новую архитектуру реальности. Более того, трансдукция – это не просто передача, а усиление. Маленькое начальное событие (зародыш кристалла, небольшая идея, техническое изобретение) запускает цепную реакцию, которая приводит к возникновению чего-то большего, более сложного и структурированного. Энергия системы канализируется и усиливается через вновь образующуюся рекурсивную структуру.

Например, в рамках генезиса языка трансдукция проявляется следующим образом. Исходным пунктом служит доиндивидуальное поле, представленное аморфной потребностью в коммуникации и множеством протозвуков. Первая сигнификация – это закрепление значения за звуком «вода», который возникает как сингулярный структурный зародыш. Этот зародыш не просто передается, а рекурсивно трансформирует саму среду своего возникновения, становясь условием для последующего структурирования. Данный процесс порождает не только бинарные оппозиции («вода»/«не вода»), но и формирует новые лексемы по аналогии и, наконец, осуществляет кристаллизацию грамматических правил, которые, в свою очередь, определяют порождение новых элементов. В результате язык, непрерывно производя себя из собственных продуктов, воплощает нелинейный самоусиливающийся процесс, будучи одновременно и результатом, и имманентным условием возможности коммуникации.

Отсюда следует, что индивид всегда определяется через пространственность (состояние постоянного фазового сдвига) и временность (участие в трансдуктивных процессах), а также через способность трансформировать себя и свою ассоцииированную среду. Симондон характеризует такого индивида как «метастабильного». Этот термин заимствован им из термодинамики и описывает систему не через стабильную форму, а через ее неустойчивое, но сохраняемое равновесие, в котором заключена потенциальная энергия для изменений. Этот двойной статус индивида как структуры и как процесса обнажает кризис категории «идентичности». Концепция метастабильной системы заставляет нас мыслить индивида не как готовую сущность, а как непрерывную

и прерывистую индивидуацию^[7, р.93], отрицая возможность сведения бытия к статичной «идентичности». Как утверждает Симондон, отношение бытия к себе неизмеримо богаче, чем бедное отношение тождества, которое может предложить лишь доктрина, рассматривающая бытие как «однофазное»^[7, р.318].

Вместе с тем подлинный смысл термина «индивиду» раскрывается только в контексте процесса индивидуации и должен быть кардинально переосмыслен, в том числе с опорой на современную науку, такую как квантовая физика. Классическое понимание индивида поглощается и замещается новым индивидом как «метастабильной системой». В этой системе «стабильный» индивид оказывается невозможным, идеализированным случаем, чистой абстракцией, обозначающей полностью завершенный процесс, которого в реальности не существует. На самом деле мы всегда наблюдаем процессы, которые лишают индивида какой-либо фиксированной идентичности, поскольку бытие по своей природе превосходит единство и тождество. Из-за этого фундаментального переворота термин «индивиду» сохраняет в философских работах Симондона сознательную двусмысленность: он обозначает и уже структурированный результат процесса, и систему, которая способна к дальнейшей индивидуации. Именно такая процессуальная концепция «индивидуа» и формирует основу для симондонианской критики социальных наук. Он утверждает, несмотря на их заявленный интерес к структурам и процессам, эти науки остаются в пленах у классической эпистемологии, которая исходит из понятия стабильного, фиксированного индивида.

В итоге социальные науки изучают лишь отношения между уже готовыми индивидами или воздействие на них внешних процессов, но не способны увидеть самих индивидов как процессы и реляционные структуры, лишенные жесткой идентичности. Вот почему теория индивидуации Симондона предлагает преодолеть тупик, в котором индивид рассматривается либо как готовый продукт процессов (как в психологии), либо как часть определяющего его социального целого (как в социологии). Симондон ставит вопрос о возможности науки о метастабильном индивиде не самостоятельном и не зависимом, а находящемся в процессе становления^[7, р.295-296]. Для этого требуется единая методология, аналогичная естественным наукам, способная анализировать процессы индивидуации как структуру одновременных и динамических отношений, интегрируя синхронный и диахронный подходы. В результате наука об индивиде необходимо становится философией метастабильных систем.

Итак, во-первых, «концептуальный неприятель», которому Симондон решает бросить вызов в рамках своей теории «индивидуации», имеет почтенное имя: гилеморфизм. Аристотелевская гилеморфическая схема («форма и материя»), по его мнению, предотвратила онтогенетический подход к вопросу бытия, а затем и к знанию^[7, р.312], сохранив скрытое, но бесспорное господство как над здравым смыслом, так и над философской и научной мыслью. Симондон утверждает, что такое представление о соединении заранее данной формы и пассивной материи блокирует подлинное понимание бытия и познания, поскольку подменяет знание о реальном генезисе или онтогенезе статичной моделью. В этом случае эта схема, укорененная в обыденном представлении о ремесле как о придании формы бесформенной материи, не только ошибочно субстанциализирует эти обе составляющие (материю и форму), но и маскирует их непрерывное становление. Симондон выдвигает два ключевых возражения: во-первых, материя никогда не бывает аморфной, а всегда уже несет в себе следы предыдущих процессов индивидуации (например, жилкование дерева). Во-вторых, форма – это не идеальный план, а оперативная последовательность, процесс с

собственной историей и внутренней сложностью. Поэтому гилеморфизм оказывается неадекватен для описания любого реального процесса формообразования.

В поисках причин исторической устойчивости этой схемы Симондон обращается к социологическому объяснению, связывая ее с социальными отношениями. Если бы существовали только индивидуальная и техническая операция, гилеморфическая схема не могла бы возникнуть. То, что прежде всего показывает гилеморфическая схема, является социализированным представлением работы и столь же социализированным представлением индивидуального живого сущего^[7, p.50-51]. Он развивает часть своего аргумента, ссылаясь на различные отношения, установленные мастером и ремесленником в отношении технической операции. Абстрактное отношение хозяина – это отношение собственности, тогда как отношение ремесленника – это конкретное погружение в материю через технический процесс ее преобразования. Подобная отсылка к диалектике господина и раба – это не столько марксистский долг, сколько гегелевская ссылка на абстракцию знания хозяина перед способностью ремесленника постичь единичность или, по-другому, «неявные формы» обработанной материи^[7, p.57-60]. Но, в конце концов, такой отсылки к гегелевской диалектике, по мнению самого Симондона, явно недостаточно. Психосоциальная обусловленность мысли, даже если она может объяснить превратности гилеморфической схемы, то вовсе не может объяснить ее постоянство и ее универсальность в отражении^[7, p.52]. Поэтому в противовес этой традиции Симондон стремится понять бытие в его реляционном и активном центре, или «центральной оперативной зоне». Он настаивает, что ассоциированная среда (индивидуальная среда) в которой разворачивается отношение, не может считаться менее значимой, чем его конечные сформированные результаты (индивидуы).

Во-вторых, Симондон проводит ключевое различие между понятиями «формы» и «информации». Если «форма» понимается как нечто статичное, связанное с идентичностью и устойчивой структурой, то «информация» для него – это понятие, описывающее динамический процесс, дифференциальные отношения и саму операцию изменения. Поэтому он видит в критическом переосмыслении концепции «информации» плодотворную парадигму для разработки новой науки^[7, p.31], которая сможет адекватно описать взаимосвязь между структурой и операцией, устойчивостью и становлением. Однако Симондон считает, что кибернетическое понимание информации, разработанное в связи с теорией гомеостаза, остается ограниченным и непригодным для объяснения работы сложных систем. Эта кибернетическая парадигма возникла из инженерных задач, таких как передача сигнала в телеграфе или телефоне. Ее базовая модель представляет собой линейный обмен между «Отправителем» и «Получателем», соединенным каналом связи, где информация переносится с помощью энергии низкого потенциала. Хотя эта модель полезна в технических приложениях и может быть экстраполирована на биологию и социум, ее фундаментальный недостаток, согласно идеям Симондона, заключается в предпосылке о существовании единого заранее установленного кода, общего для «Отправителя» и «Получателя». Именно этот код гарантирует тождественность отправленной и полученной информации. В результате сама процессуальность передачи подчинена сохранению идентичности сообщения, что, в свою очередь, усложняется с введением рекурсивной петли, где роли «Отправителя» и «Получателя» начинают попеременно меняться.

Таким образом, в чем ошибка кибернетики? Отождествляя сигнал с информацией, кибернетика сводит все богатство информационного обмена к единственному детерминированному процессу «отправитель-получатель». При таком взгляде системы остаются пассивными и неизменными, а их отношения жестко заданы макросистемой.

Для Симондона же суть информации – в ее трансформирующей силе^[6,р.50]. Она не просто передается, а активно перестраивает коды (системы правил или структур, определяющие, как система обрабатывает информацию) и идентичности систем, вступающих в связь, делая процесс по-настоящему творческим и открытым. Его ключевая идея заключается в следующем. Информация не привносится в систему извне. Для ее появления не нужен ни внешний управляющий оператор (человек или машина), ни некое «сознание». Вместо этого информация рождается имманентно, изнутри самого взаимодействия систем^[6,р.234]. Все системы по своей природе метастабильны. Это означает, что они находятся в состоянии внутренней неустойчивости и напряженности, постоянно излучая вовне различные сигналы как следствие своей нестабильности^[7,р.218]. Информация возникает при «встрече». Эти сигналы сами по себе еще не являются информацией. Они превращаются в информацию только в тот момент, когда сталкиваются с другой метастабильной системой, чей внутренний код или структура оказываются совместимыми с ними^[7,р.224]. Этот механизм работает на любом уровне: физическом, биологическом или социальном. Информация рождается из «столкновения частичных неопределенностей» разных систем, независимо от их природы. В результате Симондон проводит четкое различие между тремя понятиями. Сигнал – это то, что излучено источником (материальный носитель). Форма – это то, как сигнал был воспринят и интерпретирован приемником согласно его внутреннему устройству. Информация – это и есть акт совпадения сигнала и внутренней формы приемника. Это не объект, а событие, момент структурного резонанса, который успешно интегрируется в функционирование системы-приемника, изменяя ее. Проще говоря, информация – это не то, что послали, а то, что было услышано и понято на другом конце, вызвав реальные изменения^[7,р.330].

В-третьих, Симондон выделяет несколько фаз процесса индивидуации, на каждой из которых доиндивидуальное состояние проявляется особым образом. К таким фазам индивидуации он относит: физическую, витальную, психическую, коллективную, техническую и психосоциальную (трансиндивидуальную). Например, в рамках физической фазы индивидуации индивид возникает не как результат комбинации заранее данных элементов, а через спонтанную самоорганизацию материи в ответ на внутренние напряжения, присущие доиндивидуальному полю. Пространственно-временные структуры, такие как кристаллическая решетка или вихревое движение, в данном случае представляют собой не внешне заданную форму, а результат имманентного разрешения потенций, заложенных в материальной среде. Следующая биологическая фаза индивидуации возникает не как разрыв, а как непрерывное развертывание единого процесса становления. Она запускается метастабильными остатками предыдущей физической фазы, неразрешенными напряжениями, структурными потенциалами и энергетическими градиентами^[7,р.58], которые становятся основой для новой организации. Например, в эмбриогенезе эпигенетические факторы наравне с генетическими факторами влияют на экспрессию генов, определяя вариативность развития. В результате морфогенез представляет собой имманентный процесс самоструктурирования через трансдукцию и модуляцию напряжений, где форма понимается не как статичная данность, а как непрерывное разрешение внутренних дисбалансов системы. Психическая индивидуация у Симондона представляет собой непрерывный процесс становления «Я» через разрешение внутренних напряжений путем их трансдуктивного преобразования в символические структуры – язык, образы, социальные практики. В отличие от субстанционального понимания психики, Симондон рассматривает ее как метастабильную систему, постоянно перестраивающуюся под

влиянием трансиндивидуального поля, а именно под воздействием трансиндивидуальных отношений, технологий и культурных контекстов. Индивид здесь понимается не как замкнутая сущность, а как незавершенная траектория, обретающая устойчивость именно через способность к перманентной трансформации [6.р.47].

В-четвертых, коллективная фаза индивидуация у Симондона возникает как трансиндивидуальный процесс, в котором социальные группы образуют метастабильные системы, превосходящие сумму отдельных индивидов [6.р.165-172]. Этот процесс разрешает социальные напряжения через генерацию новых форм организации (институтов, норм, технологий), становящихся ассоциированной средой [6.р.178-180] для дальнейшего развития. В отличие от диалектико-материалистического подхода, где структуры выступают как надиндивидуальные и статичные, симондонианская коллективная фаза остается открытой и незавершенной, сохраняя связь с доиндивидуальными потенциалами и способностью к трансформации через кризисы и инновации. Следовательно, общество, как и индивид, предстает не как данность, а как перманентное становление. Кроме того, Симондон радикально пересматривает традиционную иерархию фаз индивидуации, утверждая неразрывную связь психического и коллективного. В отличие от классических моделей, где эти сферы разделены, он показывает, что человеческое становление требует двойного движения: внутрь (психическая фаза индивидуации) и вовне (трансиндивидуальное поле). Психическое не может стабилизироваться в изоляции. Оно всегда требует выражения в символах, языке и жестах, которые по своей природе коллективны.

Таким образом, трансиндивидуальное не растворяет индивида, а создает поле взаимного преобразования, где уникальность сохраняется через совместное творчество новых форм реальности, как это происходит в научном сообществе, порождающем идеи, невозможные в одиночестве. В рамках онтологии становления Симондона трансиндивидуальность возникает в точке динамического сопряжения индивидуального и коллективного, где противоположные начала (например, добро и зло в моральном выборе) не отрицают друг друга, но создают творческое напряжение, требующее непрерывного разрешения. Это напряжение становится источником перманентного обновления как социальных структур, так и личностной идентичности. Поэтому трансиндивидуальные отношения представляют собой не статичную структуру, а процесс постоянного взаимного переопределения, где человек и общество совместно творят друг друга через переосмысление ценностей и практик.

В-пятых, в онтологии становления Симондона технические объекты не только выступают активными медиаторами трансиндивидуальных отношений, но и обладают собственной «технической индивидуальностью» и внутренней логикой развития («конкретизацией») [4.р.45-60]. Они не являются нейтральными инструментами, а становятся полноправными участниками процессов психосоциального сплочения, занимая интервал между человеком и миром. Как подчеркивает Симондон, технический объект обладает автономией и уникальной «судьбой». Подобно неживому организму, он способен к самостоятельному существованию, забыванию и повторному открытию в культуре, тем самым активно формируя трансиндивидуальные связи. Симондон рассматривает технический объект как динамическое становящееся существо, эволюция которого представляет собой процесс конкретизации, перехода от абстрактной разрозненности компонентов к целостной системе с многозначными функциональными связями. Этот путь характеризуется тремя ключевыми аспектами: усилением внутреннего резонанса между элементами, приводящим к синergии и снижению энергетических потерь, обретением онтологической автономии, при которой объект становится больше

суммы своих частей, и формированием технической индивидуальности, способной к устойчивому взаимодействию со средой без распада структурной целостности. Поэтому конкретизация знаменует превращение технического объекта из набора деталей в полноценного «онтологического индивида».

Таким образом, технический объект у Симондона предстает не конечным сущим, а узлом в бесконечной сети трансдуктивных процессов. Его существование – это перманентное становление, где прошлое материализовано в структуре, а будущее рождается из порождаемых им напряжений. Пророчески предвосхищая развитие цифровых сетей, философия Симондона предлагает ключ к переосмыслению социальной субъектности в эпоху технологий, бросая вызов традиционным концепциям идентичности и открывая новые горизонты для понимания коллективного бытия.

Заключение

Ключевым общим моментом философий позднего Витгенштейна и Симондона является радикальный отказ от классических дуализмов, таких как субъект/объект, язык/мир, разум/тело. Оба мыслителя выступают против эссенциализма и реификации, то есть против представления о том, что значения, идентичности или сущности являются раз и навсегда данными или готовыми объектами. Вместо этого они смещают акцент на процессы, практики и функционирование. Витгенштейн видит значение не в ментальном акте, а в публичном использовании слова в рамках «языковой игры», вплетенной в «форму жизни». Симондон рассматривает индивида не как «готовую» субстанцию, а как временный результат непрерывного процесса индивидуации, возникающего из доиндивидуального поля. Оба ищут долингвистический, телесный фундамент нашего «бытия-в-мире» («естественные реакции» у Витгенштейна и «доиндивидуальную природу» у Симондона), который предшествует рефлексивному сознанию и картезианскому *Cogito*, тем самым преодолевая методологический индивидуализм.

Несмотря на общую антидуалистическую направленность, их проекты радикально расходятся в методе и конечных целях. Метод Витгенштейна – «терапевтический» и «дескриптивный»: философия должна описывать работу языка, чтобы растворить метафизические псевдопроблемы и вернуть слова из их метафизического употребления обратно в «обыденное». То есть Витгенштейн принимает «формы жизни» как данность, не подлежащую дальнейшему объяснению или изменению силами философии. Его акцент направлен на значения и коммуникации. В противоположность этому метод Симондона является генетическим и объяснительным. Он стремится раскрыть внутренние динамики и фазы процесса индивидуации, чтобы понять его условия и потенциал. Симондон видит в «формах жизни» (или более широко, в режимах существования) не данный факт, а незавершенный процесс с имманентным потенциалом изменения и трансформации. Его акцент сосредоточен на бытии и технике как на ключевых «операторах» этой трансформации. Соответственно, риск философии Витгенштейна состоит в консерватизме и атомизации (признание множества изолированных языковых игр без возможности их общей оценки), тогда как проект Симондона рискует увлечься спекулятивной сложностью и онтологизацией технических процессов. Кроме того, философия у Симондона призвана не просто прояснить, но и участвовать в становлении бытия, открывая новые возможности для трансформации индивида и его отношений с техническим и коллективным миром. Если Витгенштейн возвращает нас к «поверхности» языковых игр, то Симондон приглашает в «глубины» доиндивидуального поля.

Таким образом, это различие в методе порождает критическое расхождение в нормативной позиции. Витгенштейн, настаивая на принятии «форм жизни» как данности, занимает по существу консервативную позицию. Критика возможна только имманентно, изнутри самой языковой игры, а попытка найти для нее внешнее теоретическое основание объявляется бессмысленной. Его философия предлагает успокоение через признание границ нашего языка. Симондон, напротив, видит в любой сложившейся форме, будь то субъект, общество или технический объект, лишь временный этап, содержащий в себе «напряжения» и «потенциалы» для дальнейшей индивидуации. Позиция у Симондона является трансформационной. Она не принимает наличное бытие как данность, а видит в нем незавершенный процесс, открытый для изменения и требующий изобретательности для разрешения своих внутренних проблем. В результате Витгенштейн учит нас правильно видеть мир, который есть, а Симондон – мыслить мир, который может и должен стать. Отсюда следует, что Витгенштейн и Симондон предлагают два взаимодополняющих, но различных пути преодоления картезианского наследия. Витгенштейн, фокусируясь на языковой практике, показывает, как традиционные философские проблемы возникают из-за неправильного понимания логики нашего языка, и предлагает «лечебение» через ясное описание. Его мир – это мир сложившихся практик, где критика возможна лишь имманентно, изнутри самих этих практик. Симондон, делая акцент на онтогенезе, открывает возможность для более радикальной критики и трансформации самих условий нашего существования, рассматривая реальность как незавершенное поле сил, постоянно порождающее новые индивидуальности и отношения. Их диалог можно представить как напряжение между терапевтическим анализом существующих способов говорения и генетическим проектированием возможных способов бытия.

Сегодня этот диалог звучит как никогда актуально. Цифровизация создает новые «языковые игры» и «формы жизни» (социальные сети, облачные платформы, алгоритмы), которые часто воспринимаются как данность, чьи правила и грамматику нам приходится пассивно усваивать. Подход Витгенштейна направляет нас на описание их логики. Однако чтобы не оказаться в пленах этих цифровых «данностей» необходим симондонианский анализ: как эти платформы возникают? Какие «напряжения» (экономические, аффективные, социальные) они разрешают и какие новые создают? Как можно переиндивидуировать эту техническую среду, чтобы она служила не отчуждению, а порождению новых коллективностей? Аналогично экологический кризис требует выхода за антропоцентристические дуализмы. И здесь симондонианская онтология, где человек, техника и природа вовлечены в единые процессы совместной индивидуации, оказывается куда более продуктивным инструментом для мышления, чем модель замкнутых, самодостаточных «форм жизни». Их совместное прочтение позволяет одновременно видеть конкретность наших практик и их открытость радикальному изменению.

Библиография

1. Витгенштейн Л. Голубая и коричневая книги: предварительные материалы к "Философским исследованиям". Новосибирск: Сиб. унив. Изд-во, 2008. 256 с. EDN: SUPQSH.
2. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М.: Изд-во "Гнозис", 1994. 612 с.
3. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть II. М.: Изд-во "Гнозис", 1994. 206 с.
4. Simondon G. Du mode d'existence des objets techniques. Paris: Aubier, 1958. 266 р.
5. Simondon G. L'individu et sa genèse physico-biologique. Paris: Presses universitaires de France, 1964. 304 р.

6. Simondon G. L'individuation psychique et collective. Paris: Aubier, 1989. 293 p.
7. Simondon G. L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information. Grenoble: Millon, 2005. 571 p.
8. Аршинов В.И., Свирский Я.И. Сложностный мир и его наблюдатель. Ч. 1-я // Философия науки и техники. 2015. № 2. С. 70-84. EDN: VCVPHD.
9. Ивахненко Е.Н. Хрупкий мир через оптики простоты и сложности (Ч. 2) // Образовательная политика. 2020. № 4 (84). С. 16-27.
10. Керимов Т.Х., Красавин И.В. Сложность – общая, ограниченная и организованная: проблема, методология и основные понятия // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12. № 2. С. 108-119. DOI: 10.35853/vestnik.gu.2024.12-2.06 EDN: WRRJCX.
11. Саяпин В.О. Техносоциальная сложность как проблема индивидуации: взгляд Жильбера Симондона // Философская мысль. 2025. № 7. С. 85-107. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.7.74957 EDN: CUNGKU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74957
12. Baker G.P., Hacker P.M.S. Wittgenstein: Understanding and Meaning: Volume 1 of an Analytical Commentary on the Philosophical Investigations, Part I: Essays. Wiley-Blackwell, 2005. 424 p.
13. Cavell S. The Availability of Wittgenstein's Later Philosophy // The Philosophical Review. Duke University Press, 1962. Vol. 71(1). P. 67-93.
14. Грязнов А.Ф. Язык и деятельность: Критический анализ витгенштейнианства. М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2009. 152 с.
15. Медведев Н.В. Витгенштейн и Гадамер о "языковой игре" // Гуманитарные науки. Философия, социология и культурология. Вестник ТГУ, 2013. Вып. 5 (121). С. 156-165.
16. Hunter J.F.M. "Forms of Life" in Wittgenstein's Philosophical Investigations // American Philosophical Quarterly. 1968. Vol. 5(4). P. 233-243.
17. Свирский Я.И. Концептуальные особенности философской стратегии Жильбера Симондона // Идеи и идеалы. 2017. Т. 1. № 3 (33). С. 111-125. DOI: 10.17212/2075-0862-2017-3.1-111-125 EDN: ZFTMWL.
18. Аквинский Ф. Сумма против язычников. Долгопрудный: Вестком, 2000. Кн. 1. 464 с.
19. Ивахненко Е.Н. Аллагматика Симондона vs диалектика Гегеля // Вестник Московского университета. М., 2023. Т. 47. № 6. С. 107-126.
20. Саяпин В.О. Контингентность и метастабильность как концепты самоорганизации современного социума // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. Воронеж, 2024. № 2. С. 47-53. EDN: XRPMKZ.
21. Wiener N. Cybernetics, or Control and Communication in the Animal and the Machine. New York: The MIT Press, Cambridge, 1961. 212 p.
22. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. 2-е изд. М.: Советское радио, 1968. 326 с.
23. Делез Ж. "Различие и повторение". СПб.: ТОО ТК "Петрополис", 1998. 384 с.
24. Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический Проект, 2011. 472 с. EDN: QXABFT.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья принадлежит к числу исследований, выполненных на основании компаративного метода. Использование этого метода требует от автора не только

эрудиции, но и такта, поскольку сравнивать, разумеется, можно «что угодно» с «чем вздумается», однако, нетривиальные результаты могут быть получены только в том случае, если выявляемые в процессе анализа «сходства» и «различия» позволяют увидеть в сопоставляемых феноменах (в данном случае – целостных философских концепциях) существенные характеристики, которые трудно было бы открыть иным путём. В данном случае, думается, имеются все основания утверждать, что автору удалось справиться с этой непростой задачей, поскольку и философия «позднего» Витгенштейна, и философия Симондона приобретают в результате осуществленного исследования значительно более отчётливые контуры. Кажется, автор напрасно высказывает озабоченность в связи с тем, что избранные им мыслители могут показаться читателю «излишне далёкими» друг от друга, в философии прошлого века можно указать примеры, когда переклички возникают как раз между мыслителями, работающими в самых разных областях философии и занимающими принципиально различные точки зрения на философские проблемы. Критические замечания, которые могут быть высказаны рецензентом, связаны не с концептуальным содержанием статьи, а лишь с оформлением текста, которое производит впечатление поспешности и местами даже хаотичности. Прежде всего, хотя русский язык, если подходить с формальной точки зрения, допускает образование множественного числа слова «дуализм», всё же «классические дуализмы» и в названии, и в тексте статьи смотрятся неестественно. И что в этом выражении означает «классические»? – Характерные для классического периода западноевропейской философии (сам автор приводит примеры Декарта и Канта), но вот из самого выражения этот смысл непосредственно «не вычитывается»! То же замечание (может быть, в меньшей степени) относится и «кантовским дилеммам», – в подобных случаях следует пояснить читателю, что же конкретно автор имеет ввиду. Одним словом, необходимо подумать и о корректировке названия статьи, и о внесении соответствующих изменений в основной текст. Далее, может быть, это лишь неудачный оборот речи, но выражение «синтез идей Витгенштейна и Симондона» является неприемлемым, автор, в действительности, лишь сопоставляет их подходы, но не «синтезирует» их, в противном случае мы имели бы не научную статью, выполненную на основании компаративного метода, а целую новую философскую концепцию. Соответственно, необоснованными оказываются и утверждения автора о «готовом наборе инструментов», способном, якобы, «одновременно учитывать как символико-коммуникативную, так и материально-техническую размерность человеческих практик» (кроме того, в процитированном предложении нарушено согласование). Отмеченные способы выражения мысли должны быть скорректированы, следует постараться сделать эти заявления «менее амбициозными». Автор часто использует выражения в переносном смысле, но при этом почему-то не закавычивает их: «Витгенштейн – это Симондон в сфере языка», «отказ от готовых сущностей» и т.п.; «готовые сущности» и другие сходные по своим функциям в тексте выражения всегда следует давать в кавычках, в противном случае читатель получает право потребовать предъявить, например, некие «ещё не готовые сущности»... Вместо «На поверхностный взгляд» следует дать, разумеется, «На первый взгляд». Много пунктуационных ошибок: «Витгенштейн, введя понятия «языковых игр» и «форм жизни» переносит...» (почему «не замкнут» деепричастный оборот?) (в этом же предложении, кстати, присутствует ещё один деепричастный оборот, что противоречит требованиям стилистики русской речи, если следовать им со всей строгостью). А вот в выражении «информация, благодаря принципу трансдукции...» запятая не нужна, и т.п. Имеются и синтаксические погрешности: «их философии взаимодополняющие...» (являются или выступают как...). Однако высказанные замечания носят лишь технический характер, по своему концептуальному уровню статья соответствует требованиям, предъявляемым к научным

публикациям.